

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-69-81

Олег Анатольевич МАЛОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
malovo@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0726-9574

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается становление современной нормативно-правовой основы международного коммерческого арбитража в Латинской Америке. Показана роль Панамской конвенции Организации американских государств 1975 г. о международном коммерческом арбитраже как отправной точки в развитии современного международного коммерческого арбитража. Рассмотрены взаимосвязи между этой Конвенцией и Нью-Йоркской конвенцией ООН 1958 г. На примере 11 стран региона дан краткий обзор современных изменений в подходе латиноамериканского законодателя к институту МКА, включая конституционный аспект.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили труды латиноамериканских, европейских, американских и российских исследователей в области международного коммерческого арбитража, а также действующее арбитражное законодательство Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Парагвая, Перу, Уругвая, Чили и Эквадора. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический

метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнительно-правовой и историко-правовой методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе проведенного исследования автор раскрывает наличие в Латинской Америке двух законодательных подходов к правовому регулированию МКА. Первый – «традиционный» – ориентирован на развитие, прежде всего, внутреннего, национального арбитража. Ему следует законодатель Аргентины, Бразилии и Уругвая. Второй подход – «современный». Он основан на принципах Типового закона ЮНСИТРАЛ и предусматривает равное применение общих международных принципов, сформулированных в Типовом законе, как к национальному, так и к международному третейскому разбирательству. Ему следует законодатель Боливии, Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Парагвая, Перу, Чили и Эквадора.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В настоящей статье автор обращает внимание на преодоление странами региона негативных последствий доктрины Кальво в области международного коммерческого арбитража посредством конституционной реформы (Ар-

гентина, Боливия, Венесуэла, Колумбия, Парагвай, Перу, Чили и Эквадор) или практики высших судебных органов (Бразилия, Мексика и Уругвай). Кроме того, он рассматривает принятые в указанных странах (кроме Аргентины и Уругвая) новые законы о третейском разбирательстве, в большей или меньшей степени основанные на тексте Типового закона ЮНСИТРАЛ. Автор приходит к общему заключению, что, несмотря на впечатляющие усилия как на конституционном, так и на законодательном уровне, процесс создания благоприятной правовой среды для международного коммерческого арбитража современного типа в указанных странах в частно-

сти и в Латинской Америке в целом пока не завершен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международный коммерческий арбитраж, Латинская Америка, Нью-Йоркская конвенция ООН 1958 г., Панамская конвенция ОАГ 1975 г., СИДИП, МЕРКОСУР, Типовой закон ЮНСИТРАЛ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Малов О.А. 2017. Тенденции развития международного коммерческого арбитража в Латинской Америке: правовые аспекты. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 69–81.
DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-69-81

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-69-81

Oleg A. MALOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
malovo@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0726-9574

CURRENT TRENDS IN DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN LATIN AMERICA: LEGAL ASPECTS

INTRODUCTION. *The article deals with the development of modern legislation on international commercial arbitration in Latin America. The role of OAS 1975 Panama convention as the starting point of development of the modern international commercial arbitration in the region has been exposed. Relationships between the Convention and the UN 1958 New York convention have been outlined. The latest changes in the Latin-American legi-*

slator's approach to international commercial arbitration, constitutional aspect included, have been briefly summarized based upon current legislations of 11 countries of the region.

MATERIALS AND METHODS. *The materials for the article were the works of Latin American, European, American and Russian researchers in the field of international commercial arbitration, as well as the existing arbitration laws of Argentina, Bolivia,*

Brazil, Chile, Colombia, Ecuador, Paraguay, Peru, Mexico and Uruguay. The methodological basis of the research consists of general scientific and special methods: dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal and historical legal methods.

RESEARCH RESULTS. *In the article the author shows the existence of two legislative approaches to the legal regulation of the ICA in Latin America. The first “traditional” approach is focused on the development, first of all, of domestic, national arbitration. It is followed by the legislator of the Argentina, Brazil and Uruguay. The second approach is “modern”. It is based on the principles of the UNCITRAL Model Law and provides for the equal application of the general international principles formulated in the Model Law to both national and international arbitration. It is followed by the legislator of Bolivia, Venezuela, Colombia, Mexico, Paraguay, Peru, Chile and Ecuador.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In this article the author draws attention to the overcoming by the countries of the region of the negative consequences of the Calvo doctrine in the field of international commercial arbitration through constitu-*

tional reform (Argentina, Bolivia, Chile, Ecuador, Paraguay, Peru, Chile and Venezuela) or the practice of the highest judicial authorities (Brazil, Mexico and Uruguay). In addition, the author considers the new laws on arbitration that have been adopted in these countries (other than Argentina and Uruguay), more or less based on the text of the UNCITRAL Model Law. The author concludes that despite the impressive efforts both at the constitutional and legislative levels the process of creating a favorable legal environment for international commercial arbitration of a modern type in these countries in particular and in Latin America in general has not yet been completed.

KEYWORDS: *international commercial arbitration, Latin America, UN New York 1958 convention, OAS Panama 1975 convention, CIDIP, MERCOSUR, UNCITRAL Model Law*

FOR CITATION: Malov O.A. Current Trends in Development of International Commercial Arbitration in Latin America: legal aspects. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No 3. P. 69–81. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-69-81

Несмотря на географическую удаленность Латинской Америки данная тема, по нашему мнению, весьма актуальна для отечественного правоведения в силу целого ряда причин. Во-первых, в рамках идущего на геополитическом уровне процесса формирования новой, многополярной системы межгосударственных отношений вышеупомянутый регион, безусловно, становится одним из полюсов силы. Об этом свидетельствует тот факт, что именно латиноамериканское государство (Бразилия) явилось инициатором создания БРИКС – межгосударственного механизма, специально предназначенного для обеспечения нужд этой системы. Во-вторых, в рамках идущего на «геоэкономическом» уровне так называемого процесса глобализации экономики этот регион становится одним из важнейших мировых центров. В-третьих, одним из следствий вышеуказанного являются расширение и углубление экономических отношений между государствами Латинской Америки и Российской Федерацией, в том числе выступающих предме-

том международного коммерческого арбитража (далее – МКА).

Цель настоящей работы – рассмотрение современной нормативно-правовой основы международного коммерческого арбитража в Латинской Америке на примере законодательства 11 самых крупных стран региона. Особое внимание уделяется основным международным и национальным правовым источникам.

Своеобразие исторического развития института МКА в странах Латинской Америки

Международный коммерческий арбитраж в Латинской Америке формировался и развивался в совершенно иных условиях, нежели в Европе (в том числе в Российской Федерации) или в Северной Америке. Среди исторических факторов, обусловивших эту специфичность, основными можно считать два. Во-первых, это наличие собственной академической школы, восходящей к середине XVI в., которая создала в странах региона высокопрофессиональное юридическое

сообщество, на протяжении двух веков независимости полностью и на надлежащем уровне обеспечивающее потребности их самостоятельного правового развития.

Во-вторых, это политика вынужденной экономической самоизоляции стран региона со второй половины XIX в. практически до начала 1990-х гг. как ответ на экономическое и политическое давление со стороны ведущих европейских держав и США, на практике проявлявшееся через доктрины дипломатической защиты и Монро. Первая предполагала трансформацию частного права требования гражданина к иностранному государству в публичное право требования страны его подданства, осуществляемое ею от собственного имени [Rocha Gabriel, Fontoura Costa 2015: 269]. Вторая – прямую вооруженную агрессию. Соответственно, многие страны региона испытывали на себе многочисленные акты как дипломатического давления, так и прямой вооруженной агрессии со стороны европейских стран и США вплоть до второй трети XX в.

Важнейшим общественно-политическим результатом давления стало крайне враждебное отношение к международному арбитражу как таковому всех слоев общества во всех латиноамериканских странах, которые воспринимали этот институт международного публичного права, прежде всего, как один из инструментов иностранного доминирования.

В свою очередь, эта враждебность в полной мере распространилась и на МКА. В правовой сфере она выразилась в появлении так называемой доктрины Кальво, названной в честь ее автора – аргентинского юриста и дипломата. Суть ее сводится к двум постулатам. Во-первых, в данном правопорядке субъекты национального и иностранного права имеют равные права на осуществление экономической деятельности. Во-вторых, экономический спор между субъектами национального и иностранного права подведомствен исключительно государственному суду той страны, на территории которой осуществляется экономическая деятельность [Corrie 2013:114]. Указанные постулаты в тех или иных формулировках нашли свое отражение на высшем законодательном уровне – в конституциях большинства стран региона. На практике эта доктрина проявилась в использовании так называемой оговорки Кальво в текстах внешнеэкономических договоров, закреплявшей исключительную подведомственность соответствующей сделки государственным судам данной латиноамери-

канской страны [Leon Robayo 2012:134]. Применение доктрины Кальво резко сократило объем торговых и инвестиционных отношений между Латинской Америкой и ведущими государствами мира. Это, в свою очередь, определило основные направления экономической политики стран региона, которую они последовательно проводили вплоть до 1980-х гг. Суть ее сводилась к обеспечению максимально возможного импортозамещения с принятием всех доступных мер по защите национальных производителей от иностранных конкурентов. Соответственно, привлечение иностранных инвестиций и допуск на внутренний рынок транснациональных корпораций в принципе не рассматривались как возможные инструменты развития экономики. Таким образом, действие указанных факторов привело к тому, что латиноамериканские страны при широком использовании института третейского разбирательства на национальном уровне вплоть до 1990-х гг. были исключены из мировой системы МКА, строго ограничивая его применение региональными рамками.

Характерным проявлением этой самоизоляции явилось отношение государств региона к ЮНСИТРАЛ. Несмотря на активное участие латиноамериканских юристов в ее деятельности в целом и в разработке таких важнейших документов, как Нью-Йоркская конвенция 1958 г. и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, правительства стран Латинской Америки, являющихся членами ООН, тем не менее на протяжении десятилетий в принципе игнорировали существование этих документов.

Но, ограничив свое участие в мировой экономической интеграции и, вследствие этого, в процессе развития системы международного частного права (далее – МЧП) в целом и МКА в частности, страны региона направили основные усилия на развитие подобных систем на региональном уровне. Результатом полуторавековых усилий стало более 40 дву- и многосторонних международных договоров, касающихся МЧП [Доронина 2017:25]. Среди них заслуживают упоминания как минимум так называемые Договоры Монтевидео 1889 г. и Гаванская конвенция о международном частном праве 1927 г., более известная как Кодекс Бустаманте.

Важным фактором при создании правовой основы современного МКА в Латинской Америке были усилия США. Безусловной заслугой Штатов является создание на Вашингтонском

конгрессе 1890 г. постоянно действующей региональной межгосударственной организации – Международного бюро американских республик, в 1928 г. преобразованного в Панамериканский союз, а в 1948 г. – в ныне действующую Организацию американских государств (далее – ОАГ). Именно при ОАГ был создан Межамериканский совет юристов с постоянно действующим органом – Межамериканским юридическим комитетом (исп. *Comité Jurídico Interamericano*, или *CJI*), перед которым сразу же поставили задачи по гармонизации норм МЧП и торгового права стран ОАГ. Начиная с 1975 г. *CJI* решает эти задачи уже в рамках специализированной организации – Межамериканской конференции по международному частному праву (исп. *Conferencia Interamericana sobre Derecho Internacional Privado*, или *CIDIP*). На сегодняшний день состоялось четыре таких конференции: в 1975 г. (*CIDIP-I*), в 1979 г. (*CIDIP-II*), в 1984 г. (*CIDIP-III*) и в 1989 г. (*CIDIP-IV*).

Современный этап развития законодательного регулирования МКА в странах Латинской Америки

Многие латиноамериканские исследователи относят начало современного этапа развития международного арбитража к принятию Ва-

шингтонской конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами в 1965 г., обобщая таким образом историю развития институтов международного инвестиционного и коммерческого арбитражей [Ермакова 2011: 55]. Но если говорить именно об институте МКА, то началом современного этапа его развития в регионе, безусловно, является принятие Панамской конвенции о международном коммерческом арбитраже в 1975 г. Обсуждавшаяся не один год, она рассматривалась как региональный договор, построенный по образцу Нью-Йоркской конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., несмотря на то, что последнюю на тот момент ратифицировало всего три государства региона. Изначальной целью Панамской конвенции было устранить выявленные недостатки национальных законов о третейском разбирательстве отдельно взятых латиноамериканских государств путем установления критериев действительности арбитражного соглашения, порядка признания и принудительного исполнения арбитражных решений и решения других вопросов, связанных с процессом арбитражного разбирательства.

Значение этой Конвенции, а также становление современной системы нормативно-правового регулирования МКА в странах региона пре-

**Таблица 1. Становление системы нормативных прав регулирования МКА в странах региона.
Table 1. The Development of Legal Regulation of ICA in the region.**

Страна	Конвенция ООН 1958 г., вступление в силу, год	Конвенция ОАГ 1975 г., вступление в силу, год	Закон об арбитраже, принятие/изменение, год
Аргентина	1989	1995	1967/1981
Боливия	1995	1999	1997
Бразилия	2002	1995	1996
Чили	1975	1976	2004
Колумбия	1979	1987	1989/91/96/98
Коста-Рика	1988	1978	1997
Доминиканская Республика	2002	не участвует	2008
Эквадор	1962	1991	1997/2005/2006
Сальвадор	1998	1980	2002
Гватемала	1984	1986	1995
Гондурас	2001	1979	2000
Мексика	1971	1978	1993/2011*
Никарагуа	2003	не участвует	2005
Панама	1985	1976	1999/2006
Парагвай	1998	1977	2002
Перу	1988	1989	2008
Уругвай	1983	1977	1988
Венесуэла	1995	1985	1998

* – добавлено автором.

красно иллюстрирует таблица из Справочника арбитражного законодательства Латинской Америки, приведенная на с. 73 [Hamilton 2009:1103]. Несмотря на то что в ней указаны данные по состоянию на 2009 г., эта информация остается актуальной. Происшедшие с тех пор изменения касаются лишь Мексики и отмечены автором в соответствующей графе таблицы.

Эта таблица раскрывает любопытную закономерность: темп ратификации Нью-Йоркской конвенции латиноамериканскими странами был меньше, чем скорость ратификации Панамской конвенции. Например, к 1995 г. Панамскую конвенцию ратифицировали 15 латиноамериканских государств, в то время как Нью-Йоркскую – 13. Таким образом, помимо решения внутрирегиональных задач Панамская конвенция имела также большое значение на надрегиональном уровне как необходимый катализатор в процессе присоединения стран региона к Нью-Йоркской конвенции, то есть их вхождения в мировую систему МКА. В свою очередь, это потребовало от государств Латинской Америки проведения полномасштабной законодательной реформы «сверху донизу» в целях формирования современной нормативно-правовой системы регулирования МКА.

Международные источники нормативно-правового регулирования МКА в Латинской Америке

Основными международными источниками являются вышеупомянутые Нью-Йоркская и Панамская конвенции. Кроме них стоит упомянуть два региональных соглашения. Это Межамериканская конвенция об экстерриториальном действии иностранных судебных и арбитражных решений 1979 г., или Конвенция Монтевидео, и Протокол о правовом сотрудничестве и взаимопомощи в вопросах гражданского, торгового, трудового и административного права 1992 г. (так называемый Протокол Лас Леньяс), принятый государствами – членами Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР). Но в отношении Панамской конвенции оба этих соглашения носят субсидиарный характер. Конвенция Монтевидео в ст. 1 прямо устанавливает, что действует в качестве дополнения к Панамской конвенции в вопросах, касающихся «арбитражных решений по всем предметам, не регулируемым Панамской конвенцией». Но Протокол Лас Леньяс вообще не упоминает ни Панамскую, ни Нью-Йоркскую конвенции.

Итак, Нью-Йоркскую и Панамскую конвенции объединяют многие ключевые положения и основная цель – защита и продвижение МКА. Но между ними есть и ключевые различия. Некоторые из них относятся к сфере применения и процессуальным нормам конвенций. Другие – к обязанности государственного суда по поддержке арбитражного разбирательства и к требованиям, которые должны соблюдать стороны разбирательства в целях обеспечения признания и принудительного приведения в исполнение арбитражных решений.

Еще одно различие состоит в общем правиле ст. 3 Панамской конвенции, которое устанавливает, что «в отсутствие прямо выраженного соглашения сторон арбитражное разбирательство должно проводиться в соответствии с Процессуальным регламентом Межамериканской комиссии по коммерческому арбитражу (*Inter-American Arbitration Commission, IACAC*)».

Кроме того, в Панамской конвенции отсутствует ряд вопросов, регулируемых Нью-Йоркской конвенцией. В отличие от ст. 1 Нью-Йоркской конвенции Панамская конвенция не устанавливает сферу своего применения ни касательно предмета арбитражного разбирательства, ни в отношении национальной принадлежности сторон.

Помимо этого, в Панамской конвенции отсутствует положение о взаимности, имеющееся в ст. I(3) Нью-Йоркской конвенции, которое предоставляет государствам право ограничивать признание и исполнение только арбитражными решениями, принятыми на территории другого договаривающегося государства.

Кроме того, Панамская конвенция не дает четкого определения понятия «международный характер арбитража».

Вдобавок она не требует от судов государственных участников направления сторон в арбитраж в случае установления факта наличия между ними действительного арбитражного соглашения.

И наконец, Панамская конвенция не содержит формальных требований для признания и принудительного исполнения иностранного арбитражного решения, подобных установленным ст. IV Нью-Йоркской конвенции. Например, в ней закреплена обязанность стороны представить подлинник или должным образом удостоверенную копию арбитражного решения и арбитражного соглашения, а также – при необходимости – должным образом заверенный перевод.

Взаимосвязи Панамской и Нью-Йоркской конвенций явились источником некоторых ко-

лебаний, что отражено в трудах таких комментаторов, как профессор Альберт Ян ван ден Берг [Van den Berg 1989:214]. После анализа различий между обоими документами он все-таки пришел к окончательному заключению, что ответ на вопрос об их совместимости – это «осторожное да». Далее ученый предположил, что «в случае одновременной применимости между двумя конвенциями не должно возникнуть серьезного противоречия, за исключением вопроса о применимости Процессуального регламента IACAS. Но подобные противоречия, в принципе, могут быть разрешены с помощью коллизионных правил и норм».

Одним из основных вопросов является то, какая именно из этих конвенций должна применяться в рамках судебного рассмотрения заявления о принудительном исполнении определенного арбитражного решения. В отношении взаимодействия Панамской и Нью-Йоркской конвенций ст. VII(1) последней устанавливает, что: «Положения настоящей Конвенции не затрагивают действительности многосторонних или двусторонних соглашений в отношении признания и приведения в исполнение арбитражных решений, заключенных Договаривающимися Государствами, и не лишают никакую заинтересованную сторону права воспользоваться любым арбитражным решением в том порядке и в тех пределах, которые допускаются законом или международными договорами страны, где испрашивается признание и приведение в исполнение такого арбитражного решения». Панамская конвенция не содержит подобных положений.

Такое расхождение предполагает, что при коллизии этих двух конвенций в некоторых случаях может применяться Панамская конвенция как более специализированный региональный инструмент, а также в силу принципа *lex posterior derogat priori* (т.е. так как она была принята позднее). Но в других ситуациях может быть предпочтительнее применение той из них, которая наиболее благоприятствует признанию и принудительному исполнению конкретного арбитражного решения.

Из всех заинтересованных стран (т.е. участников Панамской конвенции) на законодательном уровне вопрос о возможной коллизии двух документов разрешен лишь в США и Перу.

В Соединенных Штатах это положения ст. 305 Федерального акта об арбитраже (*Federal Arbitration Act, FAA*), согласно которой при соответствии требованиям по применению обеих

конвенций определение того, какая именно из них подлежит применению, должно производиться (если сторонами прямо не согласовано иное) следующим образом:

1. Если большинство сторон арбитражного соглашения – граждане государства или государств, которые ратифицировали или присоединились к Панамской конвенции и являются странами – членами ОАГ, подлежит применению Панамская конвенция.

2. Во всех остальных случаях подлежит применению Нью-Йоркская конвенция.

В Перу это положения п. 1 ст. 74 Закона об арбитраже, согласно которому иностранные арбитражные решения признаются и исполняются в соответствии с:

- 1) Нью-Йоркской конвенцией;
- 2) Панамской конвенцией;
- 3) иным международным договором Перу.

При этом п. 2 данной статьи устанавливает, что в отсутствие соглашения сторон об обратном подлежащим применению будет тот международный договор, который наиболее благоприятен для заявителя.

В остальных странах – участницах Панамской конвенции ввиду молчания закона местные суды стремятся сами определять, какая именно конвенция подлежит применению. При этом даже в тех случаях, когда стороны сами указывают, какой документ подлежит применению, это вовсе не означает, что данный суд примет прямой выбор сторон в пользу одной или другой конвенции – выбор, который допускается при применении права США и Перу.

Национальные источники нормативно-правового регулирования МКА в Латинской Америке

Принятие Панамской конвенции хотя и явилось важной предпосылкой для становления современного национального законодательства о МКА, тем не менее не привело к немедленным результатам. Полномасштабные законодательные реформы начались лишь в начале 1990-х гг., когда глубокий экономический кризис 1980-х гг. фактически заставил латиноамериканские государства отказаться от политики экономической самоизоляции. Следует подчеркнуть, что в условиях жесткого госрегулирования экономики этот процесс не мог не носить взрывной и всеобщий характер – особенность, весьма удивляющая западных исследователей, имеющих дело с

естественным, эволюционным развитием своих правопорядков.

Конституционные реформы

Как было указано выше, в конституциях стран региона тем или иным образом нашла свое отражение доктрина Кальво в виде положения об исключительной юрисдикции государственных судов в отношении внешнеэкономических сделок. Соответственно, реформированию арбитражного законодательства в странах региона с необходимостью должна была предшествовать конституционная реформа для отмены указанного положения и закрепления арбитражной юрисдикции в качестве альтернативы юрисдикции судебной, которая и была проведена в течение 1980-х – первой половины 1990-х гг. многими странами Латинской Америки. На сегодняшний день практически всеми странами региона последствия доктрины Кальво успешно преодолены [Finizio Narancio 2013: 65]. Ее итогом стала такая специфическая черта многих латиноамериканских правопорядков, как встроенность института третейского разбирательства в целом и МКА в частности в основной закон государства [Briceño Berrú 2011: 300].

Так, согласно **Конституции Аргентины** 1994 г. (п. 22 ст. 75) «международный договор и соглашение имеют большую силу, чем закон». Тем самым эта норма санкционирует применение в Аргентине положений Нью-Йоркской конвенции 1958 г., хотя и с оговоркой, что Конвенция подлежит толкованию в соответствии с принципами и положениями, закрепленными в действующей национальной Конституции или являющимися результатом принятых в силу нее изменений законодательства. А ст. 14bis прямо гарантирует юридическим лицам право «прибегать к процедуре примирения и к арбитражу».

Конституция Перу 1993 г. (п. 1 ст. 139) содержит положение о том, что «не существует и не может быть установлена никакая независимая от судебной юрисдикция, кроме юрисдикции военного трибунала и третейского суда». Таким образом, Основной закон прямо закрепляет юрисдикционную природу арбитража, что неоднократно подтверждено и в практике Конституционного суда Перу.

Конституция Эквадора 1996 г. (ст. 191) прямо признает арбитраж, медиацию и иные альтернативные методы разрешения споров на основе действующего законодательства. Согласно **Конституции Венесуэлы** 1999 г. (ст. 258) «закон обеспечит развитие арбитража, примирения,

медиации и любых иных альтернативных методов разрешения споров». Этому направлению следуют также **Конституции Колумбии** 2002 г. (ст. 116), **Коста-Рики** 1949 г. (ст. 43), **Сальвадора** 1983 г. (ст. 23), **Гондураса** 1982 г. (ст. 110) и **Парагвая** 1992 г. (ст. 248).

Особая ситуация сложилась в **Мексике** [Ермакова 2012: 153], где конституционная реформа не затронула этот институт. Формально положение ст. 1424 Торгового кодекса (и соответствующая норма Федерального гражданского процессуального кодекса) о том, что судья, рассматривающий заявление по вопросу, являющемуся предметом арбитражного соглашения, направляет стороны в арбитраж по ходатайству любой из сторон, противоречит положениям Конституции 1917 г. (ст. 13, 14 и 17.2), устанавливающим исключительную юрисдикцию государственных судов. Но это противоречие было преодолено правоприменительной практикой, в полном объеме утвердившей законность коммерческого арбитража, которая защищается и поддерживается местными судами. В отношении МКА Верховный суд нации в 1999 г. объявил не соответствующим Конституции факт того, что в ходе рассмотрения дела суд не принял во внимание положения Конвенции Монтевидео, а руководствовался исключительно нормами национального законодательства (Торгового кодекса). При этом Верховный суд нации указал на равенство в иерархии обоих актов, так как ст. 133 Конституции не устанавливает какой-либо приоритет национальных законов над международными договорами [Fernandez Rozas 2007: 164].

С похожей ситуацией столкнулась и **Бразилия**, где отсутствие реформы Конституции в отношении правового статуса третейского разбирательства на пять лет поставило под сомнение конституционность Закона о коммерческом и международном арбитраже 1996 г. № 9307. Вопрос был разрешен в судебном порядке лишь в 2001 г., когда Верховный федеральный суд большинством голосов признал указанный Закон соответствующим Конституции Бразилии [Conejero Roos & Grion 2006: 13]. Важнейшим следствием этого решения явилось включение соответствующих положений о третейском разбирательстве в Гражданский процессуальный кодекс и Гражданский кодекс Бразилии [Coelho Chierighini 2013:6666].

Вместе с тем стоит отметить, что оборотной стороной конституционной встроенности арбитража является распространение на арбитражные решения (в том числе международные) в

некоторых региональных правовых порядках правового механизма конституционного контроля. То есть арбитражное решение может быть отменено высшим судебным органом, если оно нарушает основные права и свободы, установленные конституцией данного государства. К таким правовым порядкам относятся Колумбия, Панама, Перу и Эквадор. Хотя в других странах региона этот механизм прямо не предусмотрен, соответствующая тенденция наблюдается также в правоприменительной практике высших судов Аргентины и Чили [Veserra 2014:14–17].

Реформы национального арбитражного законодательства

За вышеуказанными конституционными реформами в 1990-е годы в большинстве стран региона последовали изменения арбитражного законодательства. Одним из важнейших результатов этих перемен стало предоставление судебной защиты арбитражному соглашению на будущее время (так называемым арбитражным оговоркам в основном договоре). В ходе настоящего исследования рассмотрено нормативно-правовое регулирование арбитража в 11 самых крупных странах региона. В целом реформы в них шли под влиянием Типового закона ЮНСИТРАЛ. По степени воздействия этого международного правового акта государства Латинской Америки можно условно разделить на две категории: с традиционной системой правового регулирования арбитража (Аргентина, Бразилия и Уругвай) и с системой правового регулирования арбитража современного типа (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Чили и Эквадор).

В центре внимания традиционной системы находится регулирование внутреннего третейского разбирательства, что предполагает автоматическое применение такого же законодательного подхода и к регулированию МКА без учета его международного характера.

Система современного типа строится на принципах, совместно выработанных разными странами в рамках деятельности ЮНСИТРАЛ, и предполагает равное отношение к национальному и международному арбитражным разбирательствам с учетом специфики каждого.

Страны с традиционной системой правового регулирования арбитража

Аргентина

Парадокс этого государства заключается в том, что, являясь одной из самых активных

стран региона в отношении применения третейского разбирательства, с XIX в. оно почти не изменило нормативно-правовое регулирование этого института и не ввело специализированный закон об арбитраже. Эти нормы содержатся в Национальном гражданском процессуальном и торговом кодексе (т. VI «Арбитражное разбирательство», ст. 736–765), а также в процессуальных кодексах провинций (например, ст. 774–803 Гражданского процессуального кодекса провинции Буэнос-Айрес). Помимо этого нормы отсылочного характера имеются в Гражданском (ст. 1627) и Торговом (ст. 456) кодексах, а также в некоторых специальных законах, например в Законе о страховании № 17418 (ст. 5).

В отношении МКА Национальный гражданский процессуальный и торговый кодекс (ст. 1) устанавливает, что в вопросах международного характера юрисдикция может передаваться также в ведение иностранных судов или арбитров, которые действуют за пределами республики, кроме случаев исключительной подведомственности аргентинским судам или ситуаций, когда такая передача запрещена законом.

Тем не менее активную роль в практическом продвижении как внутреннего, так и международного арбитража играют постоянно действующие арбитражные учреждения (далее – ПДАУ), лидерами среди которых являются арбитраж при Аргентинской торговой палате, Арбитражные палаты по зерновым культурам и Генеральный арбитражный трибунал при Торговой бирже Буэнос-Айреса.

В отличие от большинства других стран региона Аргентина пока остается в стороне от прямого восприятия положений Типового закона ЮНСИТРАЛ, несмотря на ряд попыток начиная с 1990 г. провести через парламент основанный на этом международном документе специализированный закон об арбитраже и связанные с этим дискуссии [Rivera & Parodi 2012:7]. Но активное обсуждение проектов национального и провинциальных специальных законов об арбитраже, для которых в качестве источника используются соответствующие правовые акты других стран, в том числе Бразилии, Боливии и Перу, свидетельствует о том, что, по крайней мере в юридическом сообществе, все больше распространяется мнение о необходимости вывода норм правового регулирования этого института из корпуса гражданско-процессуального права в специализированный законодательный акт, ос-

нованный на принципах ЮНСИТРАЛ [Briceño Berrú 2011:338].

Бразилия

Бразилия, в отличие от большинства стран региона, при разработке своего Закона о коммерческом и международном арбитраже 1996 г. № 9307 не следовала по пути прямого заимствования структуры и норм Типового закона ЮНСИТРАЛ. Ее Закон составлен по образцу испанского Закона о третейском разбирательстве 1988 г. с некоторыми косвенными заимствованиями из вышеупомянутого международного правового акта. Несмотря на название и режим монорегулирования внутреннего и международного арбитража, содержание и формулировки норм бразильского Закона, отличающиеся от положений Типового закона ЮНСИТРАЛ, ясно показывают, что основной целью его принятия было развитие именно внутреннего арбитража. В немалой степени это обусловлено ежегодной нагрузкой на судебную систему страны, достигающей около 90 млн разбирательств, вследствие которой даже относительно простые дела годами могут ждать своей очереди. Соответственно, законодатель, действуя в интересах судейского и делового сообществ, стремился создать благоприятные условия для перераспределения технически более сложных разбирательств коммерческого характера в пользу третейских судов [de Oliveira 2013:16]. И стоит отметить, что Закон в целом достиг этой цели и обеспечил рост числа третейских разбирательств и арбитражных учреждений, возникавших главным образом при торгово-промышленных палатах в крупных городах [Verizonce 2000:759].

Но данный Закон не слишком удобен для международного арбитража. Так, в нем отсутствует механизм автоматического учреждения арбитражного разбирательства в случае отказа или уклонения одной из сторон арбитражного соглашения. В этом случае ст. 7 требует от заинтересованной стороны обращения в компетентный суд с соответствующим заявлением. Суд обязан предложить сторонам примирение, а при его невозможности – рассмотреть вероятность изменения условий арбитражного соглашения. Кроме того, в случае отсутствия в арбитражном соглашении четких указаний на порядок назначения арбитров суд с учетом мнения сторон самостоятельно назначает единоличного арбитра. По итогам рассмотрения он выносит постановление об утверждении первоначального или измененного арбитражного соглашения. Таким образом, в случае отказа или уклонения одной из сторон арбитражное разбирательство может

быть учреждено исключительно на основании постановления суда. Кроме того, неявка заявителя в судебное заседание влечет за собой прекращение судебного разбирательства без принятия решения по существу и тем самым фактически аннулирует арбитражное соглашение сторон, по крайней мере в отношении данного спора.

Очевидно, что применительно к МКА данные положения, помимо затягивания и удорожания разбирательства, фактически ставят иностранную сторону в худшее положение по сравнению с бразильской стороной арбитражного соглашения.

Уругвай

В Уругвае сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, на международном уровне эта страна ратифицировала Нью-Йоркскую и все региональные конвенции в области арбитража и имеет давнюю и заслуженную репутацию государства с последовательным исполнением иностранных судебных и арбитражных решений. Но, с другой стороны, Уругвай так и не принял пока специализированных норм о МКА. Правовой базой служат положения ст. 502 («Исполнение иностранных арбитражных решений») Генерального процессуального кодекса 1988 г., согласно которым иностранные арбитражные решения исполняются в соответствии с положениями международных договоров или национального законодательства об исполнении иностранных судебных решений, подлежащих применению в данном конкретном случае.

На практике этот законодательный пробел восполняется, с одной стороны, применением норм международных договоров и с другой – усилиями государственных судов по благоприятствованию развитию института МКА. Так, сознательная политика Апелляционного суда Уругвая включает в себя, во-первых, поддержку арбитража как эффективного средства разрешения споров, в особенности международных; во-вторых, признание принципа автономии воли сторон в сфере международных сделок в отношении выбора применимого права и национальной юрисдикции и, в-третьих, стремление превратить Уругвай в нейтральную и надежную площадку для разбирательств частноправового характера [Santos Belandro 2008:558].

Страны с системой правового регулирования арбитража современного типа

Мексика

Особенностью этой страны является то, что в отношении национального арбитража Торговый

кодекс Мексики устанавливает для сторон право выбора между двумя правовыми режимами урегулирования экономических споров: особым порядком рассмотрения в суде либо третейским разбирательством (ст. 1051). Третейскому разбирательству посвящен титул IV «О коммерческом арбитраже» (ст. 1415–1463), который распространяется и на международный арбитраж и фактически является инкорпорацией текста Типового закона ЮНСИТРАЛ.

Особенностью Мексики в отношении МКА является учрежденная в соответствии со специальным Законом 1956 г. Комиссия по защите внешней торговли (*COMPROMEX-BANCOMEX*). Закон наделяет Комиссию полномочиями по разрешению внешнеэкономических споров при условии наличия прямого указания сторон на Комиссию как на орган для разрешения их споров.

Помимо Комиссии в стране действуют и обычные ПДАУ. Ведущими являются Мексиканская ассоциация по медиации и международному коммерческому арбитражу, Центр медиации и коммерческого арбитража при Национальной торговой палате Мехико, Мексиканский арбитражный центр (*SAMEX*), Центр медиации, примирения и арбитража г. Монтеррея и мексиканский филиал Международной торговой палаты (*International Chamber of Commerce, ICC*).

Перу

Эта страна демонстрирует пример пристального внимания и чрезвычайно последовательной политики содействия развитию национального и международного коммерческого арбитража. Она участвует во всех международных конвенциях, в том числе региональных, касающихся МКА. С введением в действия Закона об арбитраже 2008 г. Перу вышло в лидеры среди стран региона в области арбитражного законодательства. Действительно, новый правовой акт четко следует за положениями Типового закона ЮНСИТРАЛ, причем с учетом его изменений 2006 г.

Соответственно, Закон об арбитраже Перу прямо устанавливает следующие основные принципы. Во-первых, единство правового регулирования процедур национального и международного коммерческого арбитража. Во-вторых, устранение любых иных оснований обжалования арбитражного решения, кроме установленных в перечне Типового закона ЮНСИТРАЛ. В-третьих, незамедлительность принудительного исполнения арбитражного решения независимо от факта идущего судеб-

ного обжалования данного решения, если проигравшая сторона не предоставит надлежащее обеспечение.

В стране действуют многочисленные ПДАУ, среди которых стоит упомянуть Центр примирения и национального и международного арбитража при Торговой палате Лимы, Перуанский филиал Американской торговой палаты (*AmCham Peru*), Национальная система примирения и арбитража (*SNCA – CONSUCODE*), Центр арбитража и примирения в строительной отрасли (*CAPECO*), Центр анализа и разрешения споров Папского католического университета Перу.

Венесуэла

Правовое регулирование арбитража осуществляется на основе двух нормативно-правовых актов: Гражданского процессуального кодекса Венесуэлы 1986 г. (ст. 608–629 титула I «Об арбитраже» ч. I «Об особых производствах по разрешению споров» т. IV «Об особых производствах») и специализированного Закона о коммерческом арбитраже 1998 г. [Ермакова 2014:1].

Закон об арбитраже следует фундаментальным принципам Типового закона ЮНСИТРАЛ и в ст. 1 устанавливает сферу своего применения как «коммерческий арбитраж с учетом действующих многосторонних или двусторонних договоров». В отсутствие указаний в тексте Закона на национальный или международный характер арбитража данное положение ст. 1 однозначно толкуется в пользу равного применения норм Закона к национальному и международному арбитражу [Bermudez Abreu & Esis Villaroel 2008:258].

В Законе уделено особое внимание развитию ПДАУ, которым посвящена его вторая глава. Так, ст. 11 устанавливает, что торговые палаты и иные учреждения (включая университеты и другие научные учреждения), «которые занимаются арбитражем как одним из методов разрешения споров вправе организовать собственные арбитражные центры». Кроме того, ст. 14 Закона гласит, что каждый арбитражный центр должен иметь постоянное место пребывания, оснащенное всеми средствами, необходимыми для обеспечения деятельности арбитражных судов, и располагать списком арбитров не менее чем из 20 человек.

При такой поддержке в стране действует значительное число ПДАУ, ведущими из которых являются Арбитражный центр при Торгово-промышленной палате Каракаса, Арбитражный

центр при Торговой палате Маракайбо, Центр по разрешению споров при Коллегии государственных адвокатов и Предпринимательский центр примирения и арбитража при Венесуэло-Американской торговой палате.

Как указано выше, к этой группе относятся также Боливия, Колумбия, Парагвай, Чили и Эквадор, специализированные законы об арбитраже которых практически целиком основаны на тексте Типового закона ЮНСИТРАЛ.

Заключение

• В последние три десятилетия Латинская Америка переживает бурное развитие современной системы нормативно-правового регулирования третейского разбирательства в целом и МКА в частности.

• Это привело к принятию в большинстве из рассмотренных стран (9 из 11) специализированных законов о коммерческом арбитраже, в которых восприняты основные принципы,

сформулированные в Типовом законе ЮНСИТРАЛ.

• Законодательное закрепление принципов ЮНСИТРАЛ привело к еще большему сближению содержания правовых норм об арбитраже этих государств не только на региональном, но и на международном уровне.

• Таким образом, в Латинской Америке идет процесс создания благоприятной среды для арбитражной защиты прав иностранных, в том числе российских, субъектов внешнеэкономической деятельности в экономических спорах с латиноамериканскими контрагентами.

• Условия для поступательного развития обеспечиваются как современными правовыми нормами о МКА, так и конституционными нормами латиноамериканских государств, закрепляющими за иностранным субъектом экономической деятельности основополагающее право прибегать к МКА в качестве законной альтернативы национальному судебному разбирательству.

Список литературы

1. Доронина Н.Г. 2017. *Правовая модель экономической интеграции в странах Латинской Америки: монография*. М.: Инфра-М. 168 с.
2. Ермакова Е.П. 2011. Этапы развития международного коммерческого арбитража в странах Латинской Америки. – *Пробелы в российском законодательстве*. № 5. С. 55–58.
3. Ермакова Е.П. 2012. Реформа арбитражного законодательства Мексики 2011 года. – *Пробелы в российском законодательстве*. № 3. С. 153–156.
4. Ермакова Е.П. 2014. Международный коммерческий арбитраж в Венесуэле. – *Правовая Инициатива*. № 1. 8 с. Доступ: <http://49e.ru/ru/2014/1/9> (дата обращения: 18.08.2017)
5. Becerra R.R. 2014. The constitutional review of international commercial arbitral awards in Latin America and the challenges for legal certainty. Insights from Colombian jurisdiction. – *Revista Tribuna Internacional*. Vol. 3. No 6. 11–34.
6. Berizonce O.R. 2000. El arbitraje institucional en Iberoamérica. – *Derecho PUCP*. No 53. P. 759–760.
7. Bermudez Abreu Y., Esis Villaroel I. 2008. La Ley Modelo de Arbitraje Comercial Internacional de la CNUDMI y su impacto en el ordenamiento jurídico venezolano. – *Revista de Derecho*. Vol. 29. P. 237–266.
8. Briceño Berrú J.E. 2011. Teoría y praxis del arbitraje comercial internacional en América Latina. – *Agenda Internacional*. No 29. P. 299–346.
9. Coelho E., Chierighini M. 2013. Principais aspectos da arbitragem comercial internacional sob a ótica brasileira. – *RIDB*. No 7. P. 6659–6759.
10. Conejero Roos C., Grion R.S. 2006. Arbitration in Brazil: Law and Practice from an ICC Perspective. – Vol. 17 *ICC International Court of Arbitration Bulletin*. P. 11–13.
11. Corrie C.A. 2013. International Commercial Arbitration in Brazil. – *Comparative Law Yearbook of International Business*. Wolters Kluwer Law & Business. Vol. 35. P. 113–158.
12. Oliveira J.A. de 2013. A arbitragem e o poder judicial. – *Revista da EJUUSE*. No 18. P. 15–21.
13. Fernandez Rozas, J. 2007. C. La Constitución mexicana y el arbitraje comercial. – *Cuestiones Constitucionales*. No 16. P. 159–204.
14. Finizio S., Narancio V. 2013. Beyond Brazil. – *Commercial Dispute Resolution*. November-December. P. 65–69.
15. Hamilton J.H. 2009. Three Decades of Latin American Commercial Arbitration. – *University of Pennsylvania Journal of International Law*. Vol. 30. Issue 4. P. 1099–1119.
16. León Robayo E.I. 2012. Perspectiva y arbitrabilidad de la Convención Interamericana de Arbitraje Comercial Internacional. *Opinión Jurídica, Universidad de Medellín*. Vol. 11. No P. 131–144.
17. Rivera J., Parodi G. 2012. *Contrato de arbitraje. Posibilidad de incorporarlo al Código Civil*. Buenos Aires: La Ley. 838 p.
18. Rocha Gabriel V.D., Fontoura Costa J.A. 2015. O Mercosul e as controversias sobre investimentos. – *Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión*. Año 3. No 5. P. 267–284. DOI: <http://dx.doi.org/10.16890/rstpr.a3.n5.267>
19. Santos Belandro R. B. 2008. *Derecho Comercial Internacional*. Montevideo: la Asociación de Escribanos de Uruguay. 589 p.
20. Van den Berg A.J. 1989. The New York Convention 1958 and Panama Convention 1975: Redundancy or Compatibility? – *Arbitration Interntional*. Vol. 5. P. 214–229.

References

- Berizonce O.R. El arbitraje institucional en Iberoamérica. – *Derecho PUCP*. 2000. No 53. P. 759–760.
- Bermudez Abreu Y., Esis Villaroel I. La Ley Modelo de Arbitraje Comercial Internacional de la CNUDMI y su impacto en el ordenamiento jurídico venezolano. – *Revista de Derecho*. 2008. Vol. 29. P. 237–266.
- Briceño Berrú J.E. Teoría y praxis del arbitraje comercial internacional en América Latina. – *Agenda Internacional*. 2011. No 29. P. 299–346.
- Coelho E., Chierighini M. Principais aspectos da arbitragem comercial internacional sob a ótica brasileira. – *RIDB*. 2013. No 7. P. 6659–6759.
- Conejero Roos C., Grion R.S. Arbitration in Brazil: Law and Practice from an ICC Perspective. – Vol. 17 *ICC International Court of Arbitration Bulletin*. 2006. P. 11–13.
- Corrie C.A. International Commercial Arbitration in Brazil. – *Comparative Law Yearbook of International Business. Wolters Kluwer Law & Business*. 2013. Vol. 35. P. 113–158.
- de Oliveira J.A. A arbitragem e o poder judicial. – *Revista da EJUSE*. 2013. No 18. P. 15–21.
- Doronina N.G. *Pravovaya model' ekonomicheskoi integratsii v stranakh Latinskoi Ameriki: monografiya* [The legal model of Latin American economic integration. Monograph] Moscow: Infra-M Publ. 2017. 168 p. (In Russ.)
- Ermakova E.P. Etapy razvitiya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha v stranakh Latinskoi Ameriki [Stages of development of international commercial arbitration in the Latin-American countries]. – *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*. 2011. No 5. P. 55–58. (In Russ.)
- Ermakova E.P. Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh v Venesuele [International commercial arbitration in Venezuela]. – *Pravovaya Initsiativa*. 2014. No 1. 8 p. URL: <http://49e.ru/ru/2014/1/9> (accessed date: 18.08.2017) (In Russ.)
- Ermakova E.P. Reforma arbitrazhnogo zakonodatel'stva Meksiki 2011 goda [The 2011 reform of arbitration legislation in Mexico]. – *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*. 2012. No 3. P. 153–156. (In Russ.)
- Fernandez Rozas, J.. C. La Constitución mexicana y el arbitraje comercial. – *Cuestiones Constitucionales*. 2017. No 16. P. 159–204.
- Finizio S., Narancio V. Beyond Brazil. – *Commercial Dispute Resolution*. 2013. November-December. P. 65–69.
- Hamilton J.H. Three Decades of Latin American Commercial Arbitration. – *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2009. Vol. 30. Issue 4. P. 1099–1119.
- León Robayo E.I. Perspectiva y arbitrabilidad de la Convención Interamericana de Arbitraje Comercial Internacional. *Opinión Jurídica, Universidad de Medellín*. 2012. Vol. 11. No P. 131–144.
- Becerra R.R. The constitutional review of international commercial arbitral awards in Latin America and the challenges for legal certainty. Insights from Colombian jurisdiction. – *Revista Tribuna Internacional*. 2014. Vol. 3. No 6. 11–34.
- Rivera J., Parodi G. *Contrato de arbitraje. Posibilidad de incorporarlo al Código Civil*. Buenos Aires: La Ley. 2012. 838 p.
- Rocha Gabriel V.D., Fontoura Costa J.A. O Mercosul e as controversias sobre investimentos. – *Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión*. 2015. Año 3. No 5. P. 267–284. DOI: <http://dx.doi.org/10.16890/rstpr.a3.n5.267>
- Santos Belandro R. B. *Derecho Comercial Internacional*. Montevideo: la Asociación de Escribanos de Uruguay. 2008. 589 p.
- Van den Berg A.J. The New York Convention 1958 and Panama Convention 1975: Redundancy or Compatibility? – *Arbitration Interntional*. 1989. Vol. 5. P. 214–229.

Информация об авторе**Олег Анатольевич Малов,**

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, кафедра международного частного и гражданского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76

malovo@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0726-9574

About the Author**Oleg A. Malov,**

Competitor for Candidate of Juridical Sciences Degree, Private International and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

malovo@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0726-9574